

САРАЙ

18+

Ян Данилов

Сарай

<https://litres.ru/74216429>

SelfPub; 2026

Аннотация

Олег приезжает на дачу, чтобы закрыть сезон. Ему тридцать семь, он боится жить, и единственное, чего хочет — спрятаться от мира. В сарае, куда он заходит за дровами, дверь захлопывается за его спиной. Но настоящий замок — не снаружи.

В темноте старого сарая Олег встречает двоих. Первый — его собственное Эго, безжалостный двойник, который знает о нём всё. Второй — его Страх, существо без формы и имени, дрожащее в углу. Они утверждают, что заперты здесь вместе с ним и что выйти можно только одним способом: пройти через все слои собственной души.

Сарай меняется. В нём открываются двери, которых не было: в подвал, где живёт то, что Олег похоронил в себе много лет назад; в мастерскую, полную ненаписанных картин; в детскую, где его ждут те, кого он больше всего боится потерять. Каждая комната — новое испытание, каждое испытание — встреча с частью себя, от которой он пытался убежать всю жизнь.

Содержание

Глава	4
Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	41
Глава 4	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ян Данилов

Сарай

Глава

Глава 1

Тишина здесь была не просто отсутствием звуков — она была материальной. Плотной, как ватное одеяло, которым накрывают клетку с птицей на ночь. Олег попытался вдохнуть поглубже, и воздух вошёл в лёгкие с трудом, словно фильтруясь через старую марлю. В носу засвербело от пыли, но чихание не приходило — только тупое, ноющее раздражение где-то глубоко в пазухах.

Он лежал на спине. Затылок упирался во что-то твёрдое и неровное — доски пола, сбитые с зазорами в палец толщиной. Сквозь одежду холод просачивался медленно, но неумолимо, как грунтовые воды в подвал. Олег чувствовал каждую доску хребтом: вот эта чуть выпирает, в этой сучок, а эта, кажется, гнилая — проминается под весом тела с тихим, влажным скрипом.

Он не помнил, как лёг. Не помнил, как оказался на полу. Последнее, что сохранила память — дверная ручка, холодная и чуть влажная от октябрьской измороси. Он взялся за неё. Потянул. И...

Тьма.

Не та тьма, что наступает во сне, а провал — резкий, как удар обухом по темени. Между «взялся за ручку» и «очнулся на полу» зияла чёрная яма, и сколько она длилась — секунду, час, год — Олег не знал. От этого незнания к горлу под-

катила тошнота — знакомая, ещё с детства, когда он впервые задумался о бесконечности вселенной и едва не потерял сознание от ужаса.

Он открыл глаза.

Потолок был косым, подшитым горбылём, с паутиной в углах и ржавыми потёками от прохудившейся крыши. Узкое окно под самым коньком — мутное, в разводах, засиженное мухами. За ним — серый свет. Не солнечный и не пасмурный, а какой-то... никакой.словно кто-то выкрутил ручку яркости на минимум, но не до конца. Свет без источника, без направления, без теней.

Олег медленно сел. Голова закружилась. Перед глазами поплыли чёрные точки. Он зажмурился, досчитал до десяти — старая техника из курса когнитивно-поведенческой терапии, которую настоял пройти его психотерапевт. «При панической атаке — заземляйтесь. Пять вещей, которые вы видите. Четыре — которые слышите. Три — осязаете...»

Он открыл глаза и попытался найти пять вещей.

Первое: верстак. Массивный, дубовый, с тисками и россыпью ржавых гвоздей на столешнице. Второе: поленища. Берёзовые чурбаки, сложенные пирамидой, пересыпанные трухой. Третье: лопата. Прислонённая к стене, с зазубренным краем. Четвёртое: мешки. Полипропиленовые, с выцветшими надписями «Аммофос» и «Суперфосфат». Пятое...

Пятого он не нашёл. Потому что в углу шевельнулась тень. Это была не вещь. Это было существо.

Олег замер. Рука сама собой вцепилась в полу куртки — детский жест, которому не было оправдания в тридцать семь лет. Но здесь, в полумраке сарая, где пахло мышами, гнилыми яблоками и чем-то сладковато-химическим, он чувствовал себя ребёнком. Тем самым, который однажды нашёл в этом же углу мёртвую мышь и две недели не мог спать без света.

Существо не двигалось — только дрожало. Мелкой, вибрирующей дрожью, как собака в грозу. Оно было маленьким, скрюченным, прижавшимся к стене между поленницей и мешком с удобрениями. В сером полумраке его очертания расплывались, но Олег разглядел худые конечности, прижатые к телу, влажно блестящую кожу и глаза.

Два огромных, мокрых, безумных глаза, которые смотрели прямо на него.

— Очнулся.

Голос прозвучал слева. Олег дёрнулся, разворачиваясь всем корпусом, и едва не упал. Рядом с верстаком стоял человек. Он не прятался в тених, не таился — просто стоял, прислонившись плечом к косяку двери, и смотрел на Олега с выражением усталого терпения.

На нём был старый домашний свитер — серый, с растянутым воротом и катышками на рукавах. Олег знал этот свитер. Он сам купил его пять лет назад в «Ашане», на распродаже. На левом рукаве — пятно от хлорки, на груди — три дырочки от сигаретного пепла (чужие, он не курил — это

жена однажды уронила). Сейчас этот свитер был на нём, на Олеге. И одновременно — на человеке у верстака.

Тот же рост. То же телосложение. Те же залысины на лбу. Те же морщины — носогубные складки, межбровная борозда, ранние «гусиные лапки» вокруг глаз. Лицо Олега, но какое-то... вытянутое. Словно с него сняли кожу, высушили и натянули заново — ту же, резче, без капли лишнего жира. Скулы заострились, подбородок стал твёрже, а глаза — глаза были те же, но светились изнутри холодным, оценивающим умом.

— Долго же ты лежал, — сказал человек. — Я уж думал — всё. Конец. А ты, оказывается, просто спал.

— Кто... — голос Олега сорвался. Он сглотнул, чувствуя, как сухое горло царапает само себя, и попытался снова: — Кто ты?

Человек чуть наклонил голову к плечу. Улыбка тронула его губы — тонкая, как порез от листа бумаги.

— Я — ты, — сказал он. — Твоё Эго. То, что ты так долго подавлял и засовывал поглубже. То, что должно было принимать решения, пока ты прятался за юбку страха. Можно сказать, я — лучшая часть тебя. Или худшая. С какой стороны посмотреть.

Олег молча смотрел на своего двойника. В голове было пусто и звонко, как в брошенной банке из-под краски. Мыслей не было — только нарастающий, вибрирующий где-то в солнечном сплетении ужас. Потому что разум уже принял

происходящее, даже если рассудок отказывался верить.

Это было реально. Сарай, запах, холод, тварь в углу, человек со своим лицом — всё было реальным. Таким же реальным, как доски пола под ладонями, как заноза, вошедшая в большой палец, как сухой, царапающий воздух в трахее.

— Ты, наверное, хочешь спросить, где ты, — продолжал Эго, не дожидаясь реакции. — Это сарай. Дача. Посёлок «Весна», участок сорок два. Ты приехал сюда утром, на электричке, потом на автобусе, потом пешком. Открыл дом, походил по комнатам, выпил чаю. Потом вспомнил, что надо принести дров — ночи холодные, а печь не топлена с весны. Ты вышел во двор. Подошёл к сараю. Открыл дверь. Вошёл. И всё.

— Всё? — тупо переспросил Олег.

— Всё. Ты здесь. Мы здесь. И отсюда нет выхода.

Эго произнесло это буднично, словно говорило о прогнозе погоды на завтра. Олег почувствовал, как паника — старая знакомая, с которой он прожил бок о бок тридцать семь лет — поднимается из живота, сдавливая диафрагму, мешает дышать. Сердце забилося часто, неровно, пропуская удары.

— Не начинай, — поморщилось Эго. — Твои панические атаки здесь бесполезны. Во-первых, ты не умрёшь — сердце молодое, здоровое, я проверял. Во-вторых, обморок ничего не даст — проснёшься ровно в той же точке. Я уже пробовал.

— Ты... ты пробовал? — Олег ухватился за эту фразу, как за соломинку. — Ты тоже здесь заперт?

Эго усмехнулось. На этот раз в улыбке мелькнуло что-то похожее на горечь.

— Я — это ты, Олег. Если ты заперт, я заперт. Если ты свободен, я свободен. У нас общее тело, общая память, общая жизнь. Просто ты предпочитал меня не слушать. Всегда.

В углу завозились. Существо издало звук — нечто среднее между всхлипом и скулежом. Олег невольно обернулся. Тварь подползла ближе на полметра и теперь сидела, обхватив себя тощими лапами, и раскачивалась вперёд-назад. Её глаза не отрывались от лица Олега.

— А это, — Эго небрежно кивнуло в сторону угла, — твой Страх. Будьте знакомы. Он теперь тоже здесь.

— Мой... что?

— Твой Страх. С большой буквы. Эссенция, квинтэссенция, дистиллят всего, чего ты боялся с рождения. Каждая бессонная ночь, каждая паническая атака, каждая таблетка феназепама, каждый пропущенный звонок, каждая неотправленная смс-ка, каждый шаг назад, каждое «нет», сказанное вместо «да», каждое «я не смогу», каждое «а вдруг». Всё это — он.

Страх, услышав своё имя, заскулил громче. Его дрожь усилилась, и вместе с ним, казалось, задрожал воздух в сарае. Олег почувствовал, как пол под ним мелко вибрирует, как стены начинают плыть.

— Перестань, — резко сказала Эго, и Страх тут же затих. Не перестал дрожать, но скулёж оборвался, словно выключенный выключатель.

чили звук. — Он тебя слушается. Меня — не очень, но тебя — да. Ты его хозяин. Всегда был. Просто не знал.

Олег смотрел на Страха. Маленький, жалкий, мокрый, дрожащий. В его глазах плескалась такая бездонная, такая вселенская тоска, что у Олега защипало в носу. Ему вдруг захотелось подойти, погладить это существо, успокоить. И одновременно — убить. Задушить, раздавить, растоптать, чтобы никогда больше не видеть этих безумных глаз.

— Я понимаю, — тихо сказала Эго, — что ты чувствуешь. Я чувствую то же самое. Мы — одно.

— Замолчи, — прошептал Олег. — Пожалуйста, замолчи.

— Не замолчу. Я слишком долго молчал. Тридцать семь лет я сидел в углу твоего сознания, как он сидит в этом углу, — Эго снова кивнуло на Страха. — И наблюдал, как ты разрушаешь нашу жизнь. Ты думаешь, я злой? Нет. Я просто устал. Устал смотреть, как ты боишься всего на свете. Устал от бесконечных компромиссов, от трусости, от вечного «не высывайся». Ты похоронил себя заживо, Олег. В тридцать семь лет ты уже мёртв. Просто сердце ещё бьётся.

Олег закрыл глаза. Слова Эго били точно в цель — в те самые места, которые он сам нащупывал бессонными ночами, лёжа рядом со спящей женой и думая о том, как бездарно прожита жизнь. Проигранная жизнь. Сданная без боя.

Он хотел быть художником. Хотел писать маслом — большие, яркие, безумные полотна. А стал менеджером по продажам в компании, торгующей стройматериалами. Потому

что это стабильно. Потому что искусство — не профессия. Потому что «вдруг не получится».

Он хотел путешествовать. Хотел увидеть Исландию, Новую Зеландию, Патагонию. А съездил два раза в Турцию и один в Анапу. Потому что «там опасно», «дорого», «а с кем дети останутся».

Он хотел любить жену — так, как любил в первые годы. Сходить с ума, носить на руках, писать ей стихи (он писал когда-то, да). А вместо этого отгородился от неё стеной молчания, потому что боялся — боялся её ухода, её болезни, её слёз, её упрёков. Боялся, что она увидит, какой он на самом деле. Никакой. Пустой.

— Ты прав, — сказал Олег вслух. Слова упали в тишину, как камни в колодец. — Ты во всём прав.

Эго ничего не ответило. Только смотрело — пристально, без торжества. И от этого отсутствия злорадства Олегу стало ещё хуже.

Он поднялся на ноги. Тело слушалось плохо — затекшие мышцы, ватные колени. Сделал шаг к двери. Эго посторонилось, пропуская.

Дверь была старой, сколоченной из толстых досок и обитой войлоком — серым, местами проеденным молью. Ручка — простая металлическая скоба. Олег взялся за неё, потянул.

Дверь не поддавалась.

Он потянул сильнее. Упёрся ногой в косяк, рванул изо

всех сил. Войлок глушил звук, дерево даже не скрипнуло. Казалось, дверь вросла в проём, стала частью стены.

— Заперто, — сказала Эго за его спиной. — Снаружи за-
сов. Я проверял.

Олег развернулся. Что-то вспыхнуло в груди — не страх, нет. Ярость. Глухая, давно забытая ярость, которую он не позволял себе чувствовать годами.

— Ты сказал, ты — это я. Если ты меня запер, значит, я сам себя запер. Как я мог запереть себя снаружи?

— Хороший вопрос, — Эго кивнуло. — Мне тоже интересно. Может, ты лунатик? Может, у тебя диссоциативное расстройство личности? А может, — оно сделало паузу, — может, ты сам захотел здесь оказаться. Где-то глубоко внутри. Там, куда даже я не достаю.

— Чушь.

— Чушь? Тогда почему ты здесь? Почему ты приехал на дачу один, хотя жена просила тебя не ездить? Почему ты вошёл в сарай, хотя терпеть его не можешь с детства? Почему ты, Олег, тридцатисемилетний мужчина, отец двоих детей, лежишь на грязном полу и не можешь вспомнить последние несколько часов? А может, и дней?

Олег не ответил. Он прислонился лбом к дверному войлоку и закрыл глаза. Материя пахла пылью, старым деревом, временем. Где-то в доме, в тумбочке у кровати, лежал мобильник. Там были сообщения от жены, пропущенные звонки, уведомления из мессенджеров. Там была жизнь — та са-

мая, от которой он сбежал сюда. И теперь она казалась бесконечно далёкой. Недостижимой.

— Что теперь? — спросил он, не оборачиваясь.

— Теперь? — Эго отошло к верстаку и легко, без усилий, запрыгнуло на него. Свесило ноги, упёрлось ладонями в край столешницы. — Теперь мы будем разбираться. Ты, я и он. У нас много времени.

— Сколько?

— Много. Может быть — вся вечность.

За окном, под потолком, серый свет начал гаснуть. Медленно, как догорающая лампа. Тени в углах сарая стали гуще, длиннее. Страх тихо заскулил, и его голос эхом разнёсся под крышей — тонкий, жалобный, безнадёжный.

Олег стоял у двери и смотрел, как темнота пожирает сарай. Сначала исчезли мешки с удобрениями, потом поленница, потом дальний угол с граблями и мотыгой. Темнота была не просто отсутствием света — она была живой. Она дышала, шевелилась, подбиралась всё ближе. Олег чувствовал её холодное прикосновение к щиколоткам, к запястьям, к затылку.

— Не бойся, — донёсся голос Эго из темноты. — Это просто ночь. Здесь бывает ночь. Иногда.

— Что значит «иногда»?

— То и значит. Иногда ночь длится минуту. Иногда — сутки. Иногда... дольше. Время здесь странное, Олег. Ты скоро поймёшь.

Он уже понимал. Ещё когда лежал на полу и смотрел в серое окно, он почувствовал это — неправильность, смещение. Как будто секундная стрелка мира зацепилась за невидимую нить и дёргается на месте, не в силах двинуться дальше. Или, наоборот, сорвалась и крутится с бешеной скоростью, отсчитывая мгновения, которые не складываются в минуты.

Тьма сомкнулась. Олег перестал видеть что-либо вообще. Только слышал: частое, влажное дыхание Страха где-то справа, спокойное посапывание Эго у верстака и стук собственного сердца — гулкий, как удары молота по наковальне.

Он сполз по двери на пол. Подтянул колени к груди. Обхватил их руками. Холод проникал сквозь одежду, сквозь кожу, пробирался в кости. Олег закрыл глаза, хотя разницы не было — что с открытыми, что с закрытыми глазами он видел одну и ту же черноту.

— Эй, — позвал он тихо. — Эго.

— Да?

— Сколько я здесь?

— Не знаю. Я не считал. Когда ты спишь, я тоже... отключаюсь. Или проваливаюсь. Трудно объяснить. Может, прошло несколько часов. Может, несколько дней. Ты лежал без сознания очень долго. Я пытался тебя разбудить, но ты не реагировал. Даже он, — Олег услышал, как Эго пошевелилось, — даже он пытался. Подползал, нюхал, скулил. Ты был как мёртвый. Но сердце билось.

— Значит, ты не контролируешь это место?

— Я вообще ничего не контролирую, Олег. Я — твоё Эго, а не Господь Бог. Это сарай. Это твой сарай. Ты здесь главный. Просто ты ещё не понял.

В темноте что-то скрипнуло. Не доска, не половица — что-то более глухое, массивное. Олег напрягся.

— Что это?

— Не знаю, — голос Эго звучал спокойно, но Олегу показалось, он уловил в нём нотку неуверенности. — Здесь много звуков. Сарай старый. Рассыхается. Или...

— Или?

— Или он меняется. Я пока не понял закономерности. Но когда ты лежал без сознания, мне казалось, что стены... дышат. Буквально. Они сдвигались. На сантиметр, на два. Потом возвращались обратно. Но это могло быть иллюзией. Здесь всё может быть иллюзией.

Страх завозился в своём углу. Его дыхание стало громче, чаще. Олег почувствовал, как что-то мокрое и холодное коснулось его руки — и отдёргнулся.

— Не трогай меня, — сказал он в темноту.

Прикосновение исчезло. Вместо него пришёл звук — тихий, на грани слышимости, плач. Страх плакал. Его всхлипы были такими жалкими, такими безнадежными, что Олег, вопреки всему, почувствовал укол совести.

— Почему он всё время плачет? — спросил он.

— Потому что он — это ты, — ответило Эго. — Точнее,

та часть тебя, которая всегда плакала. Которую ты никогда не утешал. Которую ты загонял в угол, как бешеную собаку, и делал вид, что её не существует. А она существует, Олег. И вот она. Смотри.

Тьма начала рассеиваться. Не равномерно, а слоями — как будто кто-то медленно снимал чёрную вуаль, слой за слоем. Серый свет возвращался, просачиваясь сквозь окно. Олег увидел сарай — тот же, что и прежде. Верстак, поленицу, мешки. Эго, сидящее на верстаке и задумчиво болтающее ногами. И Страха — скорчившегося у стены, обхватившего голову лапами и вздрагивающего всем телом.

— Сколько длилась ночь? — спросил Олег.

— Несколько минут. Может, десять. Повезло.

— А что, бывает дольше?

Эго посмотрело на него долгим взглядом.

— Бывает всё, Олег. Это сарай. Здесь нет правил. Кроме одного: ты не выйдешь, пока не сделаешь то, зачем пришёл.

— Я ничего не приходил делать. Я просто хотел взять дров.

— Ты лжёшь. Себе — может быть. Мне — нет. Ты пришёл сюда умирать, Олег. Не физически — психологически. Ты дошёл до точки. Ты больше не мог. Жена, дети, работа, кредиты, бесконечный, изматывающий страх. Ты пришёл в этот сарай, потому что подсознательно помнил: здесь, в этом месте, начался твой страх. Здесь ты нашёлдохлуюмышь. Здесь ты впервые узнал, что такое ужас. И ты вернулся. Что-

бы встретиться с ним. С нами.

Олег молчал. В висках стучало.

— И знаешь что? — Эго прыгнуло с верстака и подошло ближе. Его лицо — лицо Олега, но более резкое, более живое — оказалось в полуметре. — Это было правильное решение. Лучшее в твоей жизни. Потому что там, — оно показало пальцем на дверь, — ты умирал каждый день. А здесь у тебя есть шанс. Один. Единственный. Родиться заново.

Эго развернулось и пошло в свой угол — туда, где темнота ещё не до конца рассеялась. Страх, видя это, заскулил и попытался отползти, но Эго просто перешагнуло через него, как через спящую собаку.

Олег остался один у двери. В прямом смысле — между ними. Между тем, кем он мог бы быть, и тем, кем он стал. Между гордостью и страхом. Между жизнью и смертью.

Он снова посмотрел на окно. Свет стал чуть ярче — или ему показалось. Где-то там, за стеклом, был мир. Октябрь, дачный посёлок, мокрая трава, чёрные яблони, холодное небо. Там шло время. Там ждали. Или уже не ждали.

Олег закрыл глаза и попытался вспомнить лицо жены. Оно ускользало, расплывалось, как отражение в потревоженной воде. Он помнил отдельные черты — родинку над губой, прищур, когда она смеялась, морщинки у глаз, — но цельный образ не складывался. Как будто расстояние между сараем и домом уже измерялось не метрами, а годами.

— Не пытайся, — услышал он голос Эго из темноты. —

Память здесь работает иначе. Ты вспомнишь только то, что имеет значение. Остальное отшелушится. Это часть процесса.

— Какого процесса?

— Ты узнаешь. Спи пока. Береги силы. Они тебе понадобятся.

Олег не ответил. Он сидел, прижавшись спиной к холодному войлоку двери, и смотрел, как серый свет за окном медленно, неостановимо гаснет снова. Или ему только казалось, что гаснет. В этом месте он не мог доверять даже собственным глазам.

Страх тихо подполз ближе. Теперь он сидел в метре от Олега и смотрел на него своими мокрыми, безумными глазами. Его дрожь передавалась полу, и Олег чувствовал эту вибрацию всем телом — как будто земля под сараем просыпалась от долгой спячки.

— Я защищал тебя, — прошелестел Страх. Его голос был как дуновение сквозняка — тихий, невнятный, но неожиданно внятный. — Я всегда тебя защищал. Я не враг.

Олег посмотрел на него. Впервые — прямо, не отводя взгляд.

— От чего ты меня защищал?

Страх облизнул губы — длинный, серый язык. Его глаза на мгновение стали почти осмысленными.

— От всего, — прошептал он. — От боли. От унижения. От потерь. От смерти. Мир слишком большой и слишком

страшный. Я сжимал тебя, чтобы ты не разлетелся на куски. Я был твоим коконом. Твоей клеткой. Твоей...

— Тюрьмой, — закончил за него голос Эго из темноты. — Не слушай его, Олег. Он умеет быть убедительным. На то он и Страх.

Свет погас. На этот раз — мгновенно, как по щелчку выключателя. Тьма упала, придавила, лишила зрения. Олег услышал, как Страх всхлипнул где-то совсем рядом, как Эго тихо рассмеялось в своём углу, как ветер снаружи ударил в окно, заставив стекло задребезжать.

А потом наступила тишина.

Та самая, материальная, ватная тишина, с которой всё началось. Она облепила Олега со всех сторон, проникла в уши, в рот, в ноздри. Он перестал слышать даже собственное сердце.

И в этой тишине, в этой абсолютной, космической глухоте, он вдруг понял, что боится. Боится так, как не боялся никогда в жизни. Потому что там, в мире за дверью, страх всегда имел имя, причину, адрес. А здесь, в сарае, страх был всем. Он был воздухом, стенами, полом, потолком. Он был Эго, был самим Олегом, был тем существом в углу. Страх стал вселенной — замкнутой, душной, бесконечной.

И где-то в самой глубине этой вселенной Олег услышал звук.

Шорох.

Множество маленьких лапок, скребущих по дереву.

Они приближались.

Глава 2

Шорох начинался оттуда, где сходились две наружные стены — угол под окном, самый тёмный, заваленный пустыми мешками и старой автомобильной покрывкой. Олег не видел его во тьме, но слышал с той же чёткостью, с какой слепой слышит приближение дождя. Маленькие коготки скребли по дереву — сухо, дробно, как будто десятки крошечных пальцев одновременно чесали старую доску, пытаясь проникнуть внутрь.

Звук был настолько тихим, что его почти можно было принять за шум крови в ушах. Почти. Но Олег знал этот звук. Он слышал его в детстве, когда лежал без сна в этом самом доме, в двадцати метрах от сарая, и слушал, как мыши точат дерево под полом. Тогда он накрывался одеялом с головой, зажимал уши ладонями и шептал молитвы — не Богу, в которого не верил, а кому-то ещё, безымянному, кто мог бы защитить его от крысиного короля, живущего в подполе.

Сейчас одеяла не было.

Олег замер у двери, боясь пошевелиться. Мышцы свело от напряжения, позвоночник стал стеклянным — одно неверное движение, и он рассыплется на тысячу осколков. Шорох тем временем ширился. Он больше не был локализован в одном углу — теперь он полз по стенам, расходился кругами, поднимался к потолку. Как будто невидимая армия крошеч-

ных существ исследовала сарай изнутри, двигаясь по доскам обшивки между стеной и внутренней отделкой.

— Что это? — шёпот Олега был едва громче самого шороха. Горло пересохло настолько, что каждый звук приходилось выталкивать силой. — Эго, что это?

Ответ пришёл не сразу. Тьма молчала несколько долгих секунд, в течение которых шорох успел переместиться на потолок и теперь звучал прямо над головой Олега — как дождь, идущий вверх ногами.

— А ты как думаешь? — голос Эго был всё таким же спокойным, но теперь в нём появился новый оттенок. Не страх — скорее, напряжённое внимание. Так говорит человек, наблюдающий за приближением грозы: он знает, что дом выдержит, но всё равно отходит от окна. — Ты знаешь этот звук. Ты слышал его тысячу раз. В детстве. В кошмарах. В те ночи, когда ты просыпался в три часа утра и не мог заснуть до рассвета.

Олег закрыл глаза — рефлекторно, хотя темнота и так была абсолютной. Память услужливо подбросила образ: старая дача, комната с железной кроватью, пятно лунного света на полу. И шорох. Тихий, неумолимый, вездесущий шорох мышиных лапок под половицами. Тогда ему было шесть. Или семь. Он лежал, вцепившись в край одеяла, и представлял, как мыши прогрызают доски, как их острые зубки вонзаются в дерево, как они просачиваются в комнату — сначала одна, потом десять, потом сотня, серый шевелящийся поток,

заполняющий пространство до самого потолка.

— Мыши, — выдохнул он. — Это мыши.

— Браво, — в голосе Эго не было издёвки. Только усталое удовлетворение учителя, чей нерадивый ученик наконец дал правильный ответ. — Мыши. Точнее, то, что от них осталось в твоей памяти. В твоём страхе. Добро пожаловать в первую ночь, Олег. Они всегда приходят в первую ночь.

Шорох прекратился.

Тишина, наступившая после него, была хуже самого звука. Потому что теперь Олег знал: они здесь. Они не ушли. Они просто перестали двигаться. И в этой неподвижности, в этом замершем ожидании было что-то infinitely более страшное, чем скрежет когтей. Как если бы сотни крошечных глаз смотрели на него из темноты, выжидая.

— Почему они остановились? — прошептал Олег.

— Они смотрят на тебя, — ответил Страх.

Его голос прозвучал так близко, что Олег вздрогнул. Существо подползло почти вплотную — он чувствовал исходящий от него запах мокрой шерсти, острый, животный, с примесью чего-то сладковатого, напоминающего старые лекарства. Страх сидел где-то у его левого колена, и его дрожь передавалась полу, заставляя доски вибрировать с частотой, совпадающей с ударами сердца.

— Ты их видишь? — спросил Олег, не узнавая собственного голоса.

— Я их всегда вижу. Я создал их. Помнишь?

В углу, где раньше была крошечная тьма, начали загораться огоньки. Крошечные, красноватые, парные. Они вспыхивали один за другим, как гирлянда на новогодней ёлке — только вместо лампочек были глаза. Десятки, сотни мышинных глаз, отражающих несуществующий свет. Они заполнили пространство под верстаком, выглянули из-за поленицы, усеяли потолок, как гнилые звёзды.

Олег перестал дышать.

Красные точки смотрели на него. Все одновременно. И в этом collective взгляде не было злобы — только голод. Древний, первобытный голод, который предшествовал появлению человека и переживёт его исчезновение. Голод, которому всё равно, что пожирать — зерно, дерево или плоть.

— Их нельзя бояться, — сказала Эго. Его голос доносился из того же места, где он сидел прежде — у верстака, — но теперь звучал приглушённо, как через подушку. — Страх питается страхом. Ты боишься мышей — они приходят. Ты боишься темноты — темнота становится гуще. Ты боишься одиночества — и ты один. Это базовые правила. Освой их.

— Как? — выдохнул Олег. — Как не бояться?

— Никак. Бояться можно. Нужно. Страх — это нормально. Ненормально — позволять ему управлять тобой. Ты должен бояться и действовать одновременно. Ты должен бояться и дышать. Ты должен бояться и оставаться человеком, а не превращаться в дрожащее животное, каким ты был последние тридцать лет.

Олег попытался дышать. Воздух застревал в горле, как будто трахея стала вдвое уже. Сердце колотилось где-то в висках, в горле, в кончиках пальцев. Он чувствовал, как паника — та самая, клиническая, знакомая до мельчайших нюансов — поднимается из солнечного сплетения, разливается по грудной клетке, сдавливает горло.

Но в этот раз было иначе.

В этот раз он не мог убежать. Не мог выпить таблетку, вызвать скорую, спрятаться под одеяло. Он был заперт в сарае с собственным страхом, и страх смотрел на него сотнями красных глаз, и отступать было некуда. Эта безысходность, как ни странно, принесла облегчение. Как будто самый страшный вариант — «а что, если?» — уже случился, и больше нечего было ждать.

— Они приближаются, — прошептал Страх.

И они действительно приближались. Красные точки сместились. Сначала те, что были на потолке — они двинулись вниз по стенам, как капли дождя, стекающие по стеклу. Потом те, что были под верстаком, — поползли по полу, медленно, осторожно, но неотвратимо. Шорох возобновился — теперь он был громче, ближе, и Олег мог различить отдельные звуки: вот скребётся одна мышь, вот другая, вот третья догоняет первую, и их хвосты волочатся по дереву с тихим шуршанием.

— Сделай что-нибудь, — сказал он, не обращая ни к кому конкретно. — Эго. Страх. Кто-нибудь. Сделайте что-

нибудь.

— Я не могу, — ответил Страх. — Они — это ты. Ты должен сам.

— А ты? — Олег повернулся туда, где, по его ощущениям, сидело Эго. — Ты же говорил, что ты — моя сила. Моя воля. Действуй.

Эго молчало. Красные глаза между тем подбирались всё ближе. Олег уже мог различить очертания их обладателей — нечёткие, колеблющиеся, как мираж над горячим асфальтом. Мыши были не совсем мышами. Их тела казались слишком длинными, слишком гибкими, а головы — слишком крупными. Они двигались странными, дёргаными рывками, как насекомые, и их совместное движение создавало иллюзию единого организма — расползающейся серой массы, усеянной красными огоньками.

— Ты хочешь, чтобы я действовал? — голос Эго разрезал тишину, как скальпель. — Хорошо. Встань.

— Что?

— Встань. Поднимись. Ноги, спина, плечи. Встань прямо, Олег. Сделай это сейчас.

Ноги не слушались. Они были ватными, чужими, как после долгой болезни. Олег упёрся ладонями в пол, чувствуя, как занозы входят в кожу, и начал подниматься. Колени дрожали, позвоночник скрипел, перед глазамиплыли красные круги — но он встал. Встал во весь рост, вцепившись одной рукой в дверной косяк, чтобы не упасть.

— Теперь смотри на них, — продолжало Эго. — Не отводи взгляд. Ты всю жизнь отводил взгляд. Ты делал вид, что мышей не существует, что страха не существует, что ты нормальный, счастливый человек. Но они здесь. И они никуда не уйдут, пока ты не посмотришь на них. По-настоящему.

Олег поднял голову.

Красные глаза были повсюду. Они покрывали пол сплошным ковром, они висели на стенах, как жуткие обои, они усеивали потолок созвездиями голодных огней. Их были не десятки и не сотни — тысячи. Десятки тысяч. И все они смотрели на него.

Пахло мышами. Не метафорически — буквально. Острый, мускусный запах звериной шерсти, мочи, помёта. Он перебивал даже вездесущий запах гнилых яблок. Олег чувствовал, как желудок сжимается в тугой комок, как к горлу подступает желчь.

— Не отводи взгляд, — повторило Эго. — Это твой страх. Твой. Не мой. Не его. Твой. Ты породил их. Ты кормил их тридцать лет. Теперь познакомься с ними лично.

Первая мышь отделилась от общей массы и приблизилась к ноге Олега. Она была размером с крупную крысу, но тоньше, гибче, с непропорционально длинным хвостом, который волочился за ней, как обрывок верёвки. Её шерсть была мокрой — не от воды, а от какой-то внутренней влаги, как будто она только что выбралась из чрева. Глаза — красные, немигающие, без зрачков — уставились на Олега снизу вверх.

Она открыла пасть.

Зубов было слишком много. Мелкие, игольчатые, они росли в несколько рядов, уходя вглубь глотки, и Олег вдруг понял: это не обычные мышинные зубы. Это зубы страха. Они не грызут плоть — они прогрызают душу.

— Не шевелись, — предупредило Эго. — Они реагируют на движение. И на страх. Особенно на запах страха.

— Ты хочешь, чтобы я не боялся? — Олег почти рассмеялся. — Здесь? Сейчас?

— Я хочу, чтобы ты принял свой страх. Перестал с ним бороться. Посмотри на него, — Эго сделало паузу, — и скажи ему «да».

Мышь у ноги Олега поднялась на задние лапы. Её передние конечности — слишком длинные, с пальцами, похожими на человеческие — потянулись к его штанине. Олег почувствовал, как холодные, влажные подушечки касаются ткани.

— Они не настоящие, — прошептал он. Слова выходили с трудом, как сквозь вату. — Это галлюцинация. Иллюзия. Их нет.

— Конечно, их нет, — согласилось Эго. — Но это не значит, что они не могут причинить боль. Боль — тоже иллюзия, Олег. Электрический сигнал в мозге. Попробуй объяснить это своему мозгу, когда мышь начнёт грызть твою ногу.

Мышь наклонила голову. Её зубы — влажные, блестящие в красноватом свечении собственных глаз — коснулись ткани брюк. Олег услышал звук, от которого кровь застыла в

жилах: тихое, методичное скрежетание. Мышь грызла ткань. Медленно, неторопливо, как будто у неё впереди была целая вечность.

И в этот момент — в этот самый момент, когда крошечные зубы уже касались кожи, — Олег почувствовал, как внутри что-то ломается.

Не снаружи. Не физически. Где-то глубоко, на том уровне, где обитают слова «я» и «моё», где принимаются решения, где начинается и заканчивается личность. Тонкая перегородка, отделявшая «я боюсь» от «я действую», треснула.

— Хватит, — сказал он.

Слово упало в темноту, и темнота отозвалась. Красные глаза моргнули — все одновременно, тысячами пар век, которых у них не должно было быть. Шорох прекратился.

— Хватит, — повторил Олег громче. — Я сказал — хватит.

Мышь у его ноги замерла. Её зубы всё ещё касались брюк, но она больше не грызла. Её тело напряглось, как пружина, готовая распрямиться.

— Ты видишь? — голос Эго был тихим, но в нём звенело что-то похожее на гордость. — Ты можешь. Ты всегда мог. Просто не знал.

Олег смотрел на замерших мышей. Их были тысячи, и все они ждали. Не нападали — ждали. Как будто его слово «хватит» было командой, которую они не могли послушаться.

— Я не боюсь вас, — сказал он в темноту. — Слышите?

Я не боюсь. Вы — это я. Вы — часть меня. Я создал вас. Я могу вас уничтожить.

Последние слова он произнёс почти шёпотом. Они были ложью — он всё ещё боялся, боялся до дрожи, до тошноты, до холодного пота на затылке. Но ложь, произнесённая достаточно уверенно, иногда становится правдой.

Мыши начали отступать.

Не бежать, не бросаться врассыпную — именно отступить, организованно, сохраняя странный, неестественный порядок. Красные глаза гасли одни за другими, как огни далёкого города, погружающегося в ночь. Тьма возвращалась, но теперь она была просто тьмой — не населённой, не дышащей, не наблюдающей.

Через несколько минут в сарае снова стало тихо.

Олег стоял у двери, дрожа всем телом. Ноги подкашивались, сердце колотилось где-то в горле, ладони были липкими от пота. Но он стоял.

— Первый урок, — сказала Эго из своего угла. В его голосе слышалась улыбка. — Ты справился. Примипоздравления.

— Поздравления? — Олег сполз по двери на пол. Силы оставили его разом, как вода вытекает из пробитого ведра. — С чем? С тем, что меня чуть не сожрали мыши, которых не существует?

— С тем, что ты впервые в жизни дал отпор собственному страху. Не убежал. Не спрятался. Не принял таблетку. Ты

стоял и смотрел. Это больше, чем ты сделал за предыдущие тридцать семь лет.

Олег не ответил. Он сидел, прижавшись спиной к двери, и пытался восстановить дыхание. Воздух в сарае стал другим — не таким спёртым, не таким тяжёлым. Как будто после ухода мышей помещение проветрилось. Или, может быть, это его лёгкие наконец научились дышать.

— Они вернутся? — спросил он через некоторое время.

— Да, — просто ответило Эго. — Завтра. Или послезавтра. Или через час. Здесь нет расписания. Но когда они вернутся, их будет больше. И они будут другими.

— Другими?

— Твой страх эволюционирует, Олег. Ты думаешь, он ограничивается мышами? Мыши — это детство. Самое начало. Дальше будет интереснее.

Страх в своём углу издал тихий, булькающий звук. Не то смех, не то всхлип.

— Он прав, — прошелестело существо. — Я меняюсь. Я расту. Ты кормил меня так долго... я стал большим. Очень большим. Мыши — это только кожа. Сними кожу — и увидишь, что внутри.

— Заткнись, — беззлобно сказала Эго. — Не порти момент. Он только что одержал первую победу. Дай ему насладиться.

— Победой? — Страх зашёлся тихим, дребезжащим смехом. — Он думает, что победил? О, нет. Он просто заметил

меня. Только и всего. До победы ещё далеко. Очень, очень далеко.

Олег закрыл глаза. Веки были тяжёлыми, как будто к ним привязали гири. Тело требовало сна — или того подобия сна, которое было возможно в этом месте. Но страх не уходил. Он просто изменил форму. Теперь это был не острый, панический ужас, а глубокая, фантомная боль, разлитая по всему телу. Осознание того, что Эго и Страх правы. Что мыши — только начало.

Что где-то в глубине сарая, в тех слоях реальности, которые ещё не открылись, ждут другие страхи. Более древние. Более сильные. Более личные.

— Спи, — сказала Эго. — Я посторожу.

— Ты? — Олег усмехнулся, не открывая глаз. — Ты же — это я. Как ты можешь сторожить, если я сплю?

— А вот так. Я — это ты, но не совсем. Пока ты спишь, я существую отдельно. Как страж. Как часовой. Это часть моей работы.

— Твоей работы? Ты говоришь так, будто ты нанялся на службу.

— Может, и нанялся. Может, меня наняли задолго до твоего рождения. Может, каждое человеческое Эго получает инструкцию в момент первого крика, и я свою инструкцию помню. А может, я просто красивый образ, который ты придумал, чтобы справиться с безумием. Какая разница? Спи.

Олег хотел ответить, но слова уже расплывались, теря-

ли очертания. Усталость навалилась, как физический вес — мягкий, но неумолимый, как одеяло из свинца. Сознание тускнело, сворачивалось, уходило в какую-то внутреннюю нору.

Последнее, что он услышал перед тем, как провалиться в темноту, был голос Страха. Тихий, почти интимный шёпот, обращённый не столько к Олегу, сколько к самому себе:

— Мыши — это только начало. Подожди, пока он встретит тех, кто живёт глубже. Подожди, пока он спустится в подвал. Подожди...

И тишина.

Сон был не сном.

Олег понимал это каким-то краешком сознания, тем осколком рассудка, который продолжал бодрствовать даже в забытии. Настоящий сон — это хаос, мешанина образов, бессвязный театр подсознания. Здесь же было иначе.

Он стоял в длинном коридоре. Стены — серый бетон, пол — серая плитка, потолок — серые панели с люминесцентными лампами, которые гудели ровно, монотонно, на одной ноте. Коридор уходил в бесконечность в обе стороны, и через равные промежутки в стенах виднелись двери. Одинаковые. Серые. Без табличек. Без ручек — только круглые отверстия там, где должны были быть замки.

Он знал это место. Это была школа. Та самая, в которой он учился с первого по одиннадцатый класс. Только сейчас она была пустой, заброшенной, и в воздухе стоял запах не

мела и детского пота, а сырости и старой штукатурки.

И кто-то плакал.

Звук доносился из-за одной из дверей — тихий, жалобный плач, какой издаёт ребёнок, который уже не надеется, что его услышат. Плач без требований, без истерики — чистое, дистиллированное горе.

Олег пошёл на звук. Ноги двигались медленно, как в воде, — ещё один признак того, что это был не совсем сон. Обычно во сне он либо летал, либо не мог пошевелиться. Здесь же было что-то среднее: движение давалось с трудом, но было возможным.

Дверь, из-за которой доносился плач, ничем не отличалась от других. Серый металл. Круглое отверстие. Олег присел и заглянул внутрь.

Там, в маленькой комнате без окон, на полу сидел мальчик. Лет семи, худой, в школьной форме, которая была ему велика. Его лицо было мокрым от слёз, а в руках он держал что-то маленькое, мохнатое.

Мышь.

Мёртвую мышь.

Олег отдёрнулся от двери так резко, что ударился затылком о противоположную стену. Коридор поплыл перед глазами, лампы загудели громче, их свет стал режущим, пульсирующим.

— Нет, — прошептал он. — Нет, нет, нет. Я не хочу это видеть. Я не хочу.

Но сон не отпускал. Напротив — он стал ярче, резче, реальнее. Олег снова заглянул в отверстие, потому что не мог не заглянуть.

Мальчик поднял голову. Его лицо было лицом Олега в семь лет. Те же глаза, тот же нос, тот же шрам над левой бровью — след от падения с велосипеда. Но в глазах мальчика стояло что-то, чего не было у взрослого Олега. Или было, но он давно научился это прятать.

Абсолютный, бездонный ужас.

— Ты обещал, — сказал мальчик. Его голос был тихим, но в пустом коридоре он звучал громче крика. — Ты обещал, что вернёшься и всё исправишь. Ты обещал, что больше никогда не будешь бояться. Где ты был? Где ты был все эти годы?

— Я... — слова застряли в горле. — Я не мог. Я пытался.

— Ты не пытался, — мальчик покачал головой. Слёзы катились по его щекам, но лицо оставалось странно спокойным. — Ты просто забыл меня. Ты забыл, как мы сидели здесь и дрожали от страха. Ты забыл, как мы нашли её — мёртвую, холодную, с муравьями в глазах. Ты забыл, как поклялся, что больше никогда не позволишь страху управлять тобой. Ты забыл.

Мальчик протянул руку. На его ладони лежала мышь. Маленькая, серая, с закрытыми глазами и приоткрытой пастью. Из пасти выползал муравей.

— Возьми её, — сказал мальчик. — Возьми и вспомни.

Олег отшатнулся. Коридор качнулся. Лампы взорвались — одна за другой, с оглушительным звоном бьющегося стекла. Осколки посыпались дождём, впиваясь в кожу, в глаза, в рот. Он закричал, но крик потонул в грохоте.

И проснулся.

Сарай встретил его серым светом. Окно под потолком снова горело ровным, безжизненным сиянием. Эго сидело на верстаке в той же позе, что и прежде, и задумчиво разглядывало свои ногти. Страх спал в углу — свернувшись калачиком, подрагивая во сне, как собака, которой снятся кошмары.

— Доброе утро, — сказала Эго, не поднимая взгляда. — Или добрый день. Или добрый вечер. Выбирай, что больше нравится.

— Сколько я спал?

— Не знаю. Свет гас и загорался три раза. Если считать это за дни, то ты проспал трое суток. Если не считать — то минут пятнадцать.

Олег сел, потёр лицо ладонями. Кожа была липкой, во рту стоял металлический привкус — как после долгого сна или после крови. На тыльной стороне ладони он заметил тонкий порез. Маленький, почти заживший. Как от осколка стекла.

Он вспомнил сон. Коридор. Плач. Мальчика с мёртвой мышью. И порез — да, во сне его порезало осколком лампы. Именно в этом месте.

— Сны здесь реальны? — спросил он.

Эго наконец подняло взгляд. Его глаза — точная копия глаз Олега, но более острые, более пронзительные — смотрели оценивающе.

— А ты как думаешь?

Олег посмотрел на порез. Тонкая красная линия, уже подсыхая. Сомнений не было: он получил её во сне. И принёс сюда, в реальность сарая.

— Это был не сон, — медленно произнёс он. — Это было... что-то другое.

— Это было воспоминание, — поправило Эго. — Переработанное, искажённое, но воспоминание. Сарай начал копаться в тебе, Олег. Сначала мыши — поверхностный страх. Теперь — детство. Дальше пойдут более глубокие слои. Юность. Первая любовь. Первое предательство. Первая смерть. Всё, что ты запихнул в подвал своей души и залил бетоном.

— Я не хочу, — прошептал Олег. — Я не хочу это вспоминать.

— А тебя никто не спрашивает, — Эго спрыгнуло с верстака. — Ты пришёл сюда сам. Ты открыл дверь. Ты принял правила. Теперь играй.

Оно подошло к двери, провело ладонью по войлоку. Жест был почти нежным.

— Знаешь, что самое забавное? Ты можешь выйти в любой момент. Дверь не заперта. Она никогда не была заперта. Просто ты не можешь её открыть, потому что не готов. Когда

будешь готов — она откроется сама.

— Когда я буду готов?

— Когда встретишь всё, что прячется внутри. Когда пройдёшь через все комнаты. Когда спустишься в подвал и поднимешься на чердак. Когда соберёшь себя из кусков, которые разбросал по жизни. Тогда — и только тогда — дверь откроется.

Эго развернулось и посмотрело прямо на Олега. В его взгляде читалось что-то новое. Не насмешка, не усталость, не презрение. Что-то другое. Почти сочувствие.

— Это будет больно, Олег. Очень больно. Больнее, чем ты можешь себе представить. Но это единственный путь. Другого нет.

В углу завозился Страх. Он проснулся и теперь смотрел на Олега своими мокрыми, безумными глазами. Его дрожь усилилась.

— Больно, — прошелестел он. — Больно, больно, больно. Я не хочу, чтобы ему было больно. Я здесь, чтобы защищать. Чтобы не допустить боли. Я — стена. Я — щит. Я — кокон.

— Ты — тюрьма, — жёстко сказала Эго. — И мы все это знаем. Даже ты сам.

Страх заскулил и снова свернулся в клубок. Его тело сотрясало от рыданий, но слёз не было — только сухие, хриплые всхлипы, от которых у Олега заныло где-то в груди.

Он встал. Подошёл к верстаку, провёл пальцами по пыльной столешнице. Инструменты, ржавые гвозди, обрывки на-

ждачной бумаги. Обычный садовый хлам. И в то же время — декорации к спектаклю, который он сам для себя поставил.

— Что дальше? — спросил он.

— Дальше? — Эго пожал плечами. — Жди. Сарай сам покажет. Он уже начал. Мыши, сон, твои воспоминания. Дальше будет хуже. Или лучше. Это зависит от тебя.

— А ты? Ты будешь помогать?

— Я — твоё Эго, Олег. Я всегда помогаю. Просто ты не всегда слушаешь.

В этот момент свет за окном начал гаснуть. Снова — медленно, неумолимо, как вода, заливающая трюм тонущего корабля. Тени в углах ожили, зашевелились, потянулись к центру сарая.

— Опять ночь? — спросил Олег. — Так быстро?

— Здесь всегда быстро, — ответило Эго. — И всегда долго. Привыкай.

Темнота сомкнулась, но на этот раз Олег не испугался. Он был готов. Почти.

Где-то в темноте, далеко-далеко — возможно, за стенами сарая, а возможно, глубоко внутри его собственной головы, — снова раздался шорох. Тихий, настойчивый, неумолимый. Но теперь он звучал иначе. Как будто к мышам присоединился кто-то ещё. Кто-то более крупный. Более тяжёлый. Более терпеливый.

Страх в углу перестал плакать и тихо, едва слышно, засмеялся.

Глава 3

Он проснулся от холода.

Не от того привычного, ползучего холода, который сочился сквозь доски пола и оседал инеем на ворсинках старого свитера. Этот холод был другим — он шёл не снаружи, а изнутри, из самой сердцевины сарая, как будто под полом разверзлась ледяная бездна. Олег лежал на боку, подтянув колени к груди, и смотрел на собственную ладонь, лежащую на пыльных досках. Пальцы посинели. Ногти стали фиолетовыми.

Он медленно сел, растирая руки. Суставы скрипели, как несмазанные петли. Во рту стоял привкус меди и гнили, язык прилипал к нёбу. Сарай был залит всё тем же серым светом без источника — ровным, унылым, как экран старого телевизора, показывающего пустоту.

Эго не было на его обычном месте у верстака. Олег повернул голову — и увидел его в дальнем углу, там, где раньше громоздилась поленница. Поленница исчезла. Вместо неё в полу зиял чёрный провал — квадратная дыра с рваными краями, из которой тянуло тем самым холодом. Эго стояло на коленях у края дыры и вглядывалось в темноту. Его лицо — лицо Олега — было напряжённым, сосредоточенным, как у врача, изучающего свежий рентгеновский снимок.

— Что это? — голос Олега прозвучал хрипло, как трес-

нувшая труба. Он откашлялся, сплюнул на пол. Слюна была густой, с металлическим отливом.

— Подарок, — Эго не обернулось. — Или наказание. Ещё не решил.

Страх сидел в своём углу — на этот раз не дрожа, а застыв в неестественной позе, напоминающей испуганного грызуна, притворяющегося мёртвым. Его глаза, огромные и влажные, были прикованы к дыре в полу. Он не мигал.

— Подвал, — прошелестел он, когда Олег подошёл ближе. — Ты открыл подвал. Зачем ты его открыл? Мы же договорились — никогда не открывать подвал.

— Я ничего не открывал, — Олег встал у края дыры и заглянул вниз. Темнота была такой густой, что, казалось, обладала собственной плотностью — не просто отсутствие света, а чёрная масса, заполнившая провал до самого верха. Холод усилился. Теперь он чувствовался как дыхание — медленное, ритмичное, словно в подвале спал огромный зверь.

— Открыл, — бесцветно сказала Эго. — Может, не руками. Может, не осознанно. Но ты это сделал. Вчерашние мышцы, сегодняшний сон про школу — это были ключи. Ты повернул их, и подвал открылся.

— Что там?

— Там — всё, — Эго наконец подняло взгляд. В его глазах плясали крошечные отражения — не света, а какой-то внутренней тьмы. — То, что ты не хотел помнить. То, что закопал глубже всего. Самое начало, Олег. Там лежит корень.

Олег опустился на корточки и протянул руку к темноте. Ладонь погрузилась в чёрную массу — и тут же отдёргнулась. Прикосновение было отвратительным: не холодным и не горячим, а каким-то... отсутствующим. Как будто темнота на мгновение стёрла его пальцы, лишила их существования.

— Не трогай, — запоздало сказал Страх. — Не трогай, не трогай, не трогай. Если ты сунешь туда руку, она вернётся не такой. Или не вернётся совсем.

— Он прав, — Это поднялось с колен и отряхнуло несуществующую пыль с брюк. — В подвал нельзя просто заглянуть. В подвал нужно спуститься. Весь, целиком. Это часть процесса.

— Я не лезу туда, — Олег отступил на шаг. — Я не знаю, что там. И не хочу знать.

— Именно поэтому ты должен, — Это обошло дыру и встало прямо напротив Олега. — Ты всю жизнь не хотел знать, что у тебя внутри. Ты забивал подвал досками, заливал бетоном, засыпал землёй. Но он всегда был там. И он ждал.

— Чего ждал?

— Тебя. Сегодняшнего. Того, кто наконец решится.

Олег посмотрел в провал. Чёрная масса внизу едва заметно колебалась, как поверхность нефтяного озера, потревоженная брошенным камнем. Где-то в глубине этого колодца что-то двигалось. Или ему только казалось.

В голове всплыла старая дача. Настоящая, не эта — из

детства. Там действительно был подвал. Маленький, тёмный, с земляным полом. Отец однажды спустился туда — и не вернулся. То есть физически вернулся, конечно, поднялся по скрипучей лестнице с банкой солёных огурцов в руках. Но что-то в нём изменилось. После того дня он стал другим — молчаливым, отстранённым, словно оставил часть себя в той сырой темноте. Через год его не стало. Сердце.

— Там лестница, — сказала Эго, словно читая его мысли. — Я видел. Уходит глубоко. Очень глубоко. Дальше, чем должно быть.

— Я не спущусь.

— Спустишься. Рано или поздно. Сарай не оставит тебе выбора. Он уже начинает меняться. Смотри.

Эго кивнуло на стены. Олег поднял взгляд и обомлел. Доски обшивки, ещё вчера сухие и пыльные, теперь были влажными. По ним стекали тонкие струйки воды — или не воды, а какой-то слизистой, вязкой жидкости, которая собиралась в капли на неровностях дерева и падала на пол с тихим, чавкающим звуком. Запах гнилых яблок усилился, смешался с запахом земли, сырости, грибка. Воздух стал тяжёлым, как в парной.

— Что происходит? — Олег попятился к двери.

— Сарай реагирует на открытый подвал, — Эго оставалось на месте, невозмутимое, как восковая фигура. — Пространство первого слоя истончается. Скоро здесь всё будет как в подвале. Или как во всех слоях одновременно. Если ты

не спустишься сам, подвал поднимется к тебе.

Страх завыл. Тихо, на одной ноте — звук, похожий на ветер в печной трубе. Его тело, и без того скрюченное, сжалось ещё сильнее, как будто невидимая рука сдавливала его в кулак.

— Он идёт, — проскулил Страх. — Я чувствую. Он уже близко.

— Кто? — Олег почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом. — Кто идёт?

Страх не ответил. Вместо этого из дыры в полу донёлся звук.

Не шорох, не голос, не скрип. Это был стук. Мерный, неторопливый, как удары метронома. Как будто кто-то — или что-то — поднималось по ступеням. Медленно. Шаг за шагом.

Олег отступил к двери и вжался в неё спиной. Ручка больно упёрлась в позвоночник. Он хотел дёрнуть, рвануть — но знал, что дверь не откроется. Ещё не время. Ещё не готов.

— Это не человек, — сказала Эго будничным тоном. — Это даже не монстр в привычном смысле. Это память. Твоя память. Самая старая, самая глубокая. Та, что лежит в фундаменте всего, чем ты стал.

Стук приближался. Теперь Олег слышал не только удары, но и шарканье — как будто по лестнице тащили что-то тяжёлое. И дыхание. Хриплое, влажное, с присвистом. Так дышит человек с пробитыми лёгкими. Или человек, который

не дышал очень, очень долго, а теперь вспоминает, как это делается.

— Сделай что-нибудь, — прошептал Олег. Голос сорвался на писк. — Эго. Страх. Кто-нибудь.

— Мы не можем, — Эго развело руками. — Это твой подвал. Твоя лестница. Твой гость. Мы — всего лишь наблюдатели. Или, может быть, судьи. Но не участники.

— Тогда зачем вы здесь?!

— Чтобы ты не был один. Чтобы ты помнил, что ты — это не только он, — Эго кивнуло на дыру, из которой теперь валил пар — белый, морозный, хотя изнутри по-прежнему тянуло ледяным холодом. — Ты — это ещё и я. И даже он, — кивок в сторону Страх. — Ты целый. Просто забыл об этом.

Стук прекратился.

Тишина, наступившая после, была хуже любого звука. Олег слышал только биение собственного сердца — слишком быстрое, с перебоями, — и тихое, прерывистое дыхание Страх. Даже пар перестал подниматься из дыры. Всё замерло.

А потом из темноты показалась рука.

Она была бледной, с синеватым отливом — как у утопленника, пролежавшего в холодной воде несколько дней. Пальцы длинные, с распухшими суставами. Ногти — чёрные, обломанные, с забившейся под них землёй. Рука нащупала край дыры, ухватилась за доску. Хватка была слабой, неуверенной — но в то же время цепкой, как у тонущего, который

уже не надеется на спасение, но продолжает бороться.

Потом показалась вторая рука. А за ней — голова.

Олег хотел закричать. Крик уже сформировался где-то в диафрагме, поднялся к горлу, растянул голосовые связки — но застрял, не дойдя до губ. Потому что лицо, которое появилось из темноты, было его собственным.

Не Эго — тот был другим, более резким, более живым. Это лицо было точной копией Олега, но мёртвой. Кожа серая, обвисшая, местами отслаивающаяся лоскутами. Глаза — открытые, закатившиеся, с белками, налитыми кровью и лопнувшими капиллярами. Из уголка рта сочилась чёрная жидкость — та самая, что стекала по стенам сарая.

Мёртвый Олег подтянулся на руках, выполз из дыры до пояса и замер. Его голова качнулась на слабой шее, как у сломанной куклы, и уставилась слепыми глазами на живого Олега.

— Ты, — сказал мертвец. Голос был глухим, замогильным, но в нём узнавались интонации самого Олега — те, что он слышал на диктофонных записях. — Ты оставил меня. Ты похоронил меня. Ты забыл.

— Я не... — Олег задохнулся. Слова не шли. — Я не понимаю. Кто ты?

— Ты знаешь, кто я, — мертвец вылез полностью и теперь сидел на краю дыры, свесив ноги вниз. Одет он был в те же джинсы и свитер, что и живой Олег, но одежда была ветхой, истлевшей, покрытой пятнами плесени. От него пахло сы-

рой землёй, тленом и чем-то сладковато-гнилостным — запахом покойницкой. — Я — тот ты, который умер. Которого ты убил, когда решил, что бояться — это нормально. Когда выбрал безопасность вместо жизни. Когда перестал писать картины. Когда перестал любить жену. Когда похоронил себя в офисе, в ипотеке, в бесконечном «завтра». Я — жертва. Твоя первая и самая главная.

Эго стояло поодаль, скрестив руки на груди. Его лицо было бесстрастным, но глаза — глаза следили за происходящим с напряжённым вниманием. Страх забился в угол и закрыл голову лапами, издавая тонкий, непрерывный писк.

— Ты не настоящий, — выговорил наконец Олег. — Ты — иллюзия. Как мыши. Как сон.

— Мыши были настоящими, — мертвец покачал головой. Движение было неестественным, как будто позвонки шейного отдела двигались отдельно друг от друга. — И сон был настоящим. И я — настоящий. Всё, что ты видишь в этом сарае, реально. Просто реальность здесь имеет другую природу. Твою природу.

Он поднял руку и указал пальцем на грудь Олега.

— Ты носишь меня внутри. Каждый день. Ты — ходячий гроб. И пока ты не признаешь, что я существую, пока не оплачешь меня, пока не похоронишь по-настоящему — с почестями, с прощанием, — я буду приходить. Снова и снова. И каждый раз я буду забирать у тебя часть. Пока ты сам не станешь мной.

— Это метафора? — Олег попытался усмехнуться, но усмешка вышла жалкой, дрожащей. — Красивый образ? Психотерапевтический приём?

Мертвец улыбнулся. Его губы треснули в уголках, и из трещин выползли белые, извивающиеся черви.

— Метафора, — прошелестел он. — Конечно. Всё здесь — метафора. Но это не значит, что метафоры не могут причинять боль.

Он сполз с края дыры и двинулся к Олегу. Двигался он странно — не шёл, а как будто перетекал, волоча за собой нижнюю часть тела, которая всё ещё оставалась в подвале. За ним на досках оставался мокрый, блестящий след.

— Не подходи, — Олег вжался в дверь. — Я не хочу.

— Ты никогда не хотел. В этом твоя проблема. Ты думаешь, что «не хотеть» — это достаточная причина, чтобы не делать. Но это не так. Мир не спрашивает, хочешь ты или нет. Он просто случается. А ты — прячешься. В сарае. В страхе. В смерти заживо.

Мертвец остановился в полуметре. Теперь Олег чувствовал запах не только тлена, но и земли, и старых листьев, и речной воды. Этот запах вызывал в памяти что-то давно забытое. Что-то важное.

— Вспоминай, — сказал мертвец. — Вспоминай, когда ты умер в первый раз.

И Олег вспомнил.

Ему было восемь. Лето, дача. Он играл один у реки —

тихой, заросшей осокой речушки, которую в посёлке называли Гнилушкой. Искал в воде головастика. Поскользнулся на мокрой глине. Упал.

Вода была холодной. Очень холодной — не по-летнему. Она сомкнулась над головой, набилась в рот, в нос, в уши. Он барахтался, пытался ухватиться за корни, за траву, но берег осыпался под пальцами. Паника. Чёрная вода. Лёгкие, полные жидкости.

Его вытащил какой-то дачник. Откачал. Вернул к жизни.

Но что-то осталось там, на дне Гнилушки. Какая-то часть его — возможно, та самая, которая не боялась, — утонула по-настоящему. И с тех пор он носил в себе эту утонувшую часть, этот холод, эту воду в лёгких.

— Ты вспомнил, — мертвец улыбнулся шире, и его лицо пошло трещинами, как старая картина. — Это был первый раз. Потом были другие. Много других. Каждый раз, когда ты выбирал страх, ты умирал. Маленькая смерть за маленькой смертью. Я собирал их. Я — кладбище твоих несбывшихся жизней.

Он протянул руку и коснулся щеки Олега. Прикосновение было ледяным — и в то же время обжигающим, как контакт с оголённым проводом. Олега пронзила боль — не физическая, хотя тело среагировало судорогой. Это была боль памяти. Боль всех потерянных возможностей. Боль несказанных слов. Боль трусости, возведённой в принцип существования.

— Прекрати, — прохрипел он. — Пожалуйста.

— Не могу. Я не могу прекратить, пока ты меня не отпустишь. Я — твой пленник, Олег. Ты держишь меня в подвале уже тридцать лет. Я хочу на свободу.

— На свободу? — голос Эго прозвучал неожиданно резко. — Ты — не пленник. Ты — дезертир. Ты сбежал в смерть, потому что живому тебе было страшно. А теперь обвиняешь его в том, что он тебя «похоронил»?

Мертвец обернулся к Эго. Его слепые глаза сузились.

— Ты, — прошипел он. — Ты всегда было на его стороне. Ты всегда его защищало. Даже когда он уничтожал нас.

— Я — это он, — спокойно ответило Эго. — А ты — только часть. Самая жалкая. Мертвецы не решают. Мертвецы не выбирают. Мертвецы просто гниют. Так гний дальше и не лезь к живым.

— Я не мёртв! — крик мертвеца был похож на карканье вороны. — Я жив! Я здесь! Я существую! Я — его вторая половина, которую вы оба зарыли!

Он бросился на Эго. Движение было быстрым, размытым — как ускоренная киносъёмка. Но Эго не шелохнулось. Только подняло руку — спокойно, будто отмахиваясь от мухи, — и мертвец остановился, словно врезавшись в невидимую стену. Его тело задрожало, пошло рябью, начало терять очертания.

— Ты — воспоминание, — сказала Эго. — Не больше. Ты имеешь право голоса, но не имеешь права власти. Возвращайся в подвал. Жди своего часа.

— Я не хочу! — мертвец цеплялся за воздух, но его пальцы проходили сквозь реальность, как сквозь воду. — Я не хочу обратно! Там темно! Там холодно! Там я один!

— Ты не один, — тихо произнёс Страх из своего угла. — Там все мы.

Мертвец замер. Его лицо исказилось выражением такого бездонного отчаяния, что Олег, вопреки ужасу, почувствовал укол жалости. Этот человек — этот призрак, эта галлюцинация — был частью его. Самой слабой, самой жалкой, самой испуганной частью. И он страдал.

— Подожди, — сказал Олег. — Не уходи.

Мертвец повернул голову. Слёзы — или что-то, похожее на слёзы, — катились по его серым щекам, оставляя тёмные дорожки.

— Ты... ты не прогоняешь меня?

— Я не знаю, — Олег сделал шаг вперёд. Ещё один. Теперь он стоял прямо перед мертвецом, чувствуя исходящий от того могильный холод. — Я не знаю, что мне делать. Я не знаю, как тебя спасти. Я даже не знаю, можно ли тебя спасти. Но я хочу понять.

Мертвец смотрел на него слепыми глазами. Долго. Мучительно долго. А потом его лицо — мёртвое, серое, покрытое плесенью — вдруг дрогнуло. Из груди вырвался звук — не то вздох, не то всхлип.

— Ты впервые назвал меня «ты», — прошептал он. — А не «оно». Не «это». Ты признал меня.

— Признал? — Олег нахмурился.

— Ты признал, что я — часть тебя. Не чужеродный объект. Не болезнь. Не ошибка. Часть. Может быть... может быть, это начало.

Мертвец начал таять. Не исчезать, а именно таять — как свеча, как лёд под весенним солнцем. Его очертания теряли чёткость, оплывали, смешивались с серым полумраком сарая.

— Я вернусь, — сказал он, уже почти прозрачный. — Ты не готов отпустить меня полностью. Но ты сделал первый шаг. Спасибо.

И он исчез. Остался только мокрый след на досках — и холод, постепенно выветривающийся из сарая.

Олег стоял на месте, не в силах пошевелиться. Тело билась крупная дрожь — то ли от холода, то ли от пережитого. Он чувствовал себя выпотрошенным, вывернутым наизнанку, как старая наволочка. Всё, что он прятал внутри тридцать лет, оказалось снаружи. И это было... странно. Не облегчение — до облегчения было ещё далеко. Но что-то сдвинулось. Как будто заклинивший механизм наконец провернулся на один зубчик.

— Хорошая работа, — сказала Эго. В его голосе не было насмешки. Только усталое уважение. — Ты встретил свою смерть и не убежал. Это второй урок.

— А первый какой?

— Первый был про мышей. Не убегать от страха. Сегодня

ты не убежал от отчаяния. Прогресс.

Страх в углу перестал пищать и теперь сидел тихо, обхватив колени лапами. Его глаза, по-прежнему влажные, смотрели на Олега с каким-то новым выражением. Не с ужасом. Не с ненавистью. С надеждой?

— Ты спросил его имя, — прошелестел Страх. — Ты хотел его понять. Это... неожиданно.

— У него есть имя?

— У всего есть имя. Просто ты не спрашивал.

Олег подошёл к дыре в полу и заглянул вниз. Темнота всё ещё была там — плотная, тягучая, как нефть. Но теперь она не казалась такой уж страшной. Просто подвал. Просто его собственный подвал, который он запер много лет назад и забыл.

— Я спущусь туда? — спросил он вслух.

— Обязательно, — ответило Эго. — Но не сегодня. Сегодня ты сделал достаточно. Даже слишком много для одного... дня? Ночи? Неважно. Отдыхай.

— А ты? Ты устаёшь?

Эго помолчало.

— Я — твоё Эго, Олег. Я не устаю. Я могу быть разочарованным, раздражённым, циничным. Но не уставшим. Усталость — это привилегия смертных.

— А Страх?

— Страх устаёт. Он очень устал. Посмотри на него.

Олег обернулся. Страх лежал в своём углу, свернувшись

клубком, и спал. Его бока мерно вздымались, дрожь прекратилась. Во сне он казался почти мирным — маленький, жалкий зверёк, всю жизнь выполнявший непосильную работу. Защитник, ставший тюремщиком. Сторож, который так долго стерёг пленника, что забыл, кто из них кто.

— Он тоже часть тебя, — сказала Эго. — Когда-нибудь ты его отпустишь. И он станет просто эмоцией. Здоровой, полезной эмоцией, которая предупреждает об опасности, но не парализует. А пока...

Эго не договорило. Свет за окном начал гаснуть — медленно, как всегда. Новая ночь. Или, может быть, та же самая ночь, которая длится уже тридцать семь лет.

— Спи, — сказала Эго. — Завтра будет новый день. Или не будет. Посмотрим.

Олег лёг на пол. Доски были твёрдыми, но тело уже привыкло. Холод больше не казался врагом — просто обстоятельством. Он закрыл глаза. Перед внутренним взором всё ещё стояло лицо мертвеца — его собственное лицо, мёртвое и отчаявшееся. Лицо, которое он прятал от мира. И от себя самого.

«Я вернусь», — сказал мертвец.

Олег знал, что это правда. Подвал был открыт. И где-то там, в его глубине, ждали другие. Те, кто умер позже. Те, кого он убил своим страхом.

Но сейчас — в эту минуту, в эту бесконечную ночь, — он чувствовал нечто удивительное. Не радость. Не покой. Ско-

рее — возможность. Слабую, далёкую, как свет в конце туннеля. Но он знал, что туннель — это тоже он сам. И если идти достаточно долго, можно найти выход.

Или хотя бы дверь.

Ту самую, которая никогда не была заперта.

Сарай дышал. Стены едва заметно двигались — вдох, выдох, вдох, выдох. Где-то в подвале тихо капала вода. Где-то наверху, за грязным окном, возможно, светили звёзды. А возможно — не светили.

Время шло. Или стояло на месте.

В сарае это было одно и то же.

Глава 4

О

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.